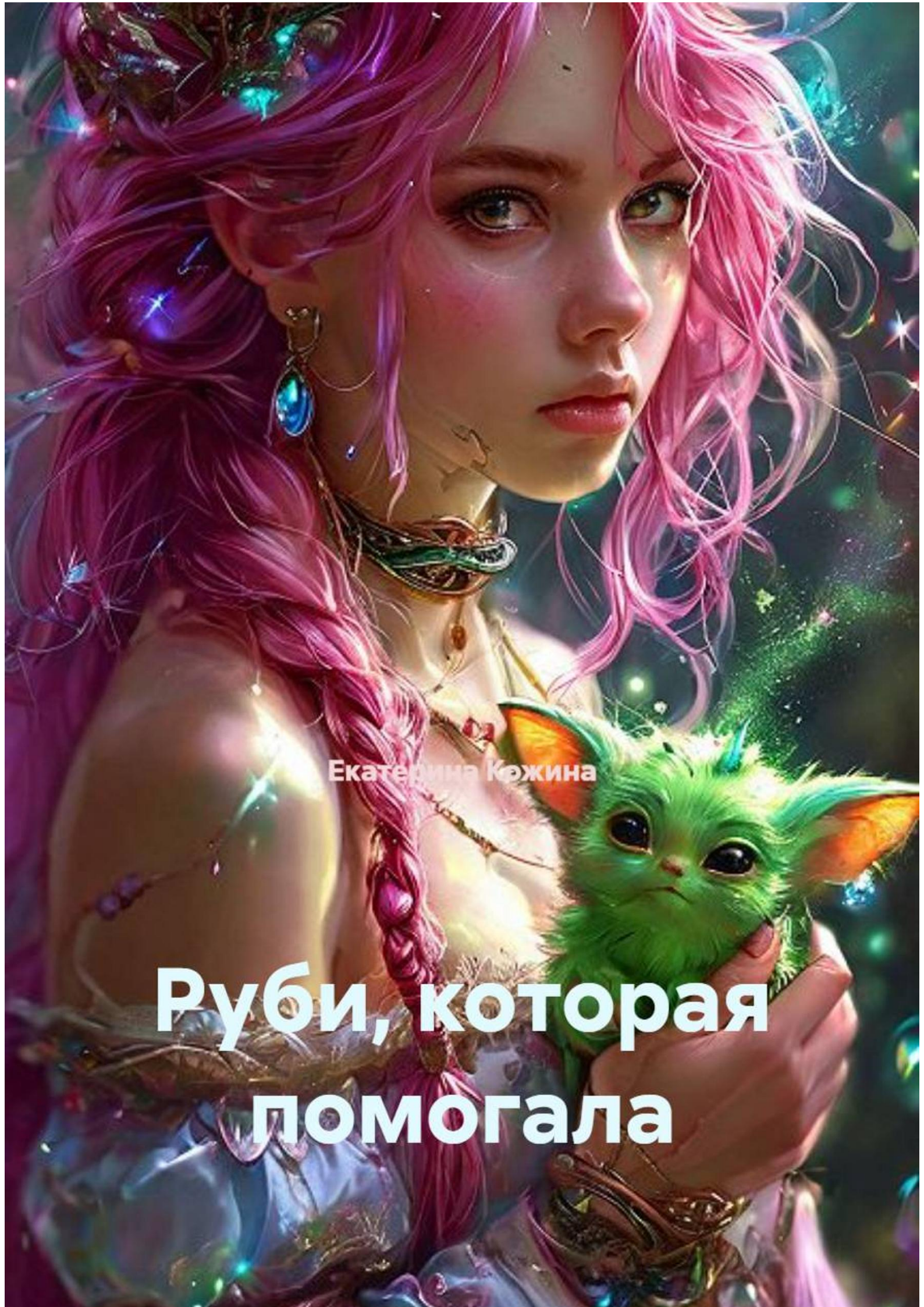

Екатерина Кожина

**Руби, которая
помогала**

Екатерина Кожина

Руби, которая помогала

«Автор»

2026

Кожина Е.

Руби, которая помогала / Е. Кожина — «Автор», 2026

Если у девушки доброе седрце, то у мужа седые волосы и нервный тик. И ей
неважно кто нуждается в помоща - маленький водяной или страшный огр.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	15
Глава 9	17
Глава 10	19
Глава 11	21
Глава 12	23
Глава 13	25
Глава 14	27
Глава 15	29
Глава 16	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Кожина

Руби, которая помогала

Глава 1

Мраморная лестница королевского дворца была создана для величественных выходов, а не для панического бега. Двадцать один год Руби ждала этого вечера. Двадцать один год ее родители, дипломаты человеческого королевства, держали дочь подальше от высшего света.

Официально — ради ее безопасности. Реально — ради сохранности международной дипломатии.

В четырнадцать лет Руби случайно накормила посла гномов пирогом с «немым корнем», перепутав его с имбирем, из-за чего суровый подземный владыка неделю изъяснялся жестами. В семнадцать она зацепилась подолом платья за рычаг катапульты во дворе академии, запустив карету архиепископа в королевский пруд. На двадцатилетие она попыталась сварить успокаивающий чай для нервного лорда-канцлера, но перепутала банки и устроила всему министерству трехдневный приступ просветления с песнями.

И вот, наконец, настал день ее совершеннолетия. Совпадение было грандиозным: в столицу прибыло посольство эльфов из Заповедного Леса — событие, происходящее раз в столетие. Эльфы, ценители порядка, гармонии и этикета, должны были присутствовать на балу в честь ее дня рождения. Родители сдались. Руби официально ввели в свет.

За час до выхода Руби решила добавить волосам мерцания. На туалетном столике стояли два одинаковых флакона с серебряными крышками.

«Кто, во имя всех магов, делает их в одинаковых бутылочках?!» — в панике думала Руби уже сейчас, стоя перед огромным зеркалом в бальном зале.

Вместо волшебного блеска для локонов она щедро нанесла на голову сверхстойкую гномью полироль для розовых бриллиантов. Эффект превзошел все ожидания. Волосы Руби не просто порозовели — они приобрели ядовитый оттенок и сияли так ярко, что отражали свет люстр. Придворный алхимик лишь развел руками: гномья магия полировки вечна, и никто в королевстве не знает, когда этот состав решит смыться. Возможно, через неделю. Возможно, к ее тридцатилетию.

Двери зала распахнулись. Глашатай громогласно объявил:

— Леди Руби, дочь дома Арден!

Девушка глубоко вздохнула и сделала шаг вперед. Розовое сияние от ее головы буквально разрезало полумрак коридора. По залу пронесся коллективный вздох. Мать Руби прижала платок к губам. Отец судорожно схватился за эфес шпаги, словно готовился отражать атаку.

В центре зала, окруженные аурой безупречности, стояли эльфы. Высокие, бледные, в серебряных одеждах. Их предводитель, лорд Иллирион, славился своей ледяной гордостью и тем, что ни разу в жизни не изменился в лице.

Руби, стараясь не споткнуться о собственный шлейф, подошла к эльфийской делегации и изящно присела в реверансе. Свет от ее волос упал на безукоризненное лицо Иллириона, окрасив его в гламурный розоватый цвет.

Минута молчания казалась вечностью. Дипломаты затаили дыхание, ожидая грандиозного скандала. Эльфы не терпели неуважения к традициям.

Лорд Иллирион наклонил голову, разглядывая сияющую макушку Руби. Вдруг его эльфийские уши слегка дрогнули, а губы тронула едва заметная, но совершенно искренняя улыбка.

— Потрясающе, — негромко произнес эльф, и его голос разнесся по замершему залу. — Столетиями мы считали людей предсказуемыми. Но почтить наше прибытие цветом священной Алой Зари, да еще и с помощью столь редкого гномьего состава... Это тонкий дипломатический жест, леди Руби. Вы объединили эстетику эльфов и мастерство подземного народа.

Руби моргнула, мгновенно сориентировавшись.

— Именно так, милорд, — выпрямилась она. — Эксклюзивно для этого вечера. Человечество всегда открыто к смелым союзам.

Облегченный вздох родителей Руби был слышен даже на окраинах города. Бал был спасен, а розовый неон официально объявили новым пиком придворной моды. Правда, смываться полироль не собиралась даже на следующее утро.

Глава 2

Дипломатический обед на следующий день должен был закрепить «розовый триумф» Руби. Родители, окрыленные ее внезапным успехом, разрешили дочери присутствовать на переговорах в малом зале. Волосы Руби все так же сияли цветом бешеной фуксии, но это было единственным ярким моментом встречи.

Сам обед протекал вяло. Эльфы кривили идеальные носы от королевского вина, с тоской ковыряли серебряными вилками салаты из фиолетовых одуванчиков и всем своим видом показывали, что человеческая кухня — это варварство. Разговоры застряли на мертвой точке. Обсуждались пошлины на ввоз эльфийского шелка и экспорт человеческой стали. Стороны не уступали друг другу ни единой запятой в торговом договоре. Атмосфера в зале была холоднее, чем ледники северных гор.

Руби, воодушевленная вчерашним везением, решила, что рождена для великой дипломатии. «Им просто нужно расслабиться и поговорить по душам», — подумала она.

Действовать нужно было решительно. Девушка знала, что у мамы в сумочке всегда с собой заветный пузырек с каплями «сыворотки искренности». Алхимик прописал их леди Арден исключительно для домашнего использования — принимать строго по одной капле перед исполнением супружеского долга, чтобы освежить чувства и добавить браку капельку страстной честности.

Улучив момент, когда отец доказывал эльфам выгоду пошлин, Руби незаметно просунула руку в мамину бархатную сумочку. Пальцы нащупали стеклянный флакон. В этот момент слуги как раз внесли фарфоровый чайник с эльфийским чаем.

Руби проскользнула к сервировочному столику. По рецепту требовалась всего одна капля на бокал. Но эльфов за столом сидело пятеро, к тому же они были существами магическими, с высоким сопротивлением к ядам. Посчитав в уме, что обычная доза их не возьмет, дочь дипломатов для верности плескнула в чайник половину флакона.

Через пять минут ароматный напиток был разлит по чашкам. Эльфы сделали по первому глотку.

Сначала ничего не происходило. А потом сыворотка, усиленная тройной концентрацией, ударила по эльфийскому организму сокрушительной волной.

Первым дрогнул ледяной лорд Иллирион. Его глаза подозрительно заблестели, а на щеках проступил румянец. Он опустил чашку и, перебив отца Руби на полуслове, заявил:

— Да плевать я хотел на вашу сталь! Знаете, почему мы не подписываем договор? Потому что у нашего короля кризис среднего возраста, и он приказал скупать только те товары, которые рифмуются со словом «вечность»! А сталь не рифмуется!

Второй эльф, советник по культуре, вдруг восторженно всхлипнул, обнял маму Руби за плечи и зашептал на весь зал:

— Женщина, вы прекрасны! А ваши фиолетовые одуванчики — редкостная гадость! Мы в Заповедном Лесу едим жареную свинину и закусываем чесночным хлебом, когда никто не видит!

Зал погрузился в хаос. Эльфы стремительно веселились. Забыв про этикет, они начали наперебой выкладывать государственные тайны. Оказалось, что великий эльфийский поэт ворует стихи у гномов, а священный источник в центре их столицы на самом деле питается от обычного водопровода.

Но это было только началом. Концентрация сыворотки требовала выхода энергии.

— Как же жарко! Человеческая одежда — это клетка для духа! — прокричал Иллирион.

С эльфийским изяществом дипломаты начали срывать с себя расшитые серебром камзолы, шелковые рубахи и парадные мантии. Прежде чем ошеломленная стража успела среагировать, пять высокородных эльфов остались в одних парадных штанах.

— К черту переговоры! Объявляю кавалерийский налет! — с хохотом завопил советник по культуре.

С криками и гиканьем полуголая эльфийская делегация вывалилась через панорамные окна прямо на королевскую террасу, ведущую к вольерам. Стражники, привыкшие к эльфийской медлительности, просто опешили. Эльфы с легкостью перемахнули через кованую ограду, оседлали пятерых королевских грифонов, предназначенных для личной гвардии Его Величества, и, продолжая громко хохотать и распевать непристойные песни, взмыли в воздух.

Руби, разинув рот, смотрела в окно. Пять грифонов, унося на своих спинах счастливых эльфийских дипломатов, красиво улетали в закат, растворяясь в розовых лучах солнца, которые идеально гармонировали с волосами девушки.

Скандал был не просто грандиозным — он был историческим. Переговоры сорваны, грифоны угнаны, государственные тайны эльфов выболтаны, а репутация двух королевств разрушена в щепки. Мать Руби лежала в глубоком обмороке, отец судорожно пил прямо из чайника остатки чая с сывороткой, чтобы хоть как-то пережить этот день, а у дверей зала уже слышался тяжелый топот королевской гвардии.

Глава 3

Гнев короля Артура Третьего превзошел самые страшные ожидания. Угон пяти боевых грифонов и обнажение лучшей дипломатической миссии континента до парадных штанов требовали сурового наказания.

Королевский указ был зачитан на следующее же утро: за подрыв международной безопасности и халатность лорд и леди Арден приговаривались к пожизненным работам на гномьих алмазных рудниках.

— Ваше Величество, это несправедливо! Родители ни в чем не виноваты! — Руби решительно шагнула вперед перед тронном, заслоня собой бледных отца и мать. — Это я вылила сыворотку в чай!

Король, уставший от утренней мигрени и бесконечных объяснений с гвардией, махнул рукой:

— Желание осужденной удовлетворить. Заменить наказание родителям на ссылку их дочери. Стража, увести.

Руби заперли в ее комнате под домашний арест до тех пор, пока не подготовят карету. Сидя на краю кровати, девушка впервые за эти два дня по-настоящему испугалась. Рудники — это не шутки и не бальные курьезы. На ее колени упало несколько горьких слезинок. Она плакала, глядя на свое отражение, где неоновые розовые волосы теперь казались насмешкой над судьбой.

В это время в тронном зале ее родители на коленях умоляли короля простить их глупую, но любящую дочь. Слезные мольбы дипломатов не тронули монарха — король оставался непреклонен и глух к жалости.

В полдень у ворот дворца загремели цепи. Стражники вывели Руби и посадили в тяжелую, окованную железом карету с решетками на окнах. Лошади тронулись, увозя девушку прочь от дома, навстречу каторге.

Но ровно в тот момент, когда карета покидала городские ворота, над столицей раздался мощный клекот.

Эльфы вернулись. Силы тройной дозы «сыворотки искренности» наконец иссякли, оставив после себя похмелье и чувство стыда. Дипломаты Заповедного Леса, одетые обратно в свои серебряные камзолы, приземлились на угнанных грифонах прямо на дворцовой площади. С одной стороны, они были невероятно счастливы — такого дикого приключения у них не было последние триста лет. С другой стороны, им было неловко за рассказанные секреты.

Желая как можно скорее замять инцидент и покинуть это гостеприимное, но опасное королевство, лорд Иллирион за десять минут подписал все торговые договора, контракты и соглашения по пошлинам на человеческих условиях. Эльфы уступили в каждой запятой, оставили королю щедрую компенсацию за моральный ущерб и спешно улетели обратно в свои леса, пообещав прислать Руби ящик эльфийского вина в подарок.

Родители Руби, держа в руках подписанные контракты, снова бросились к королю. Увидев фантастическую выгоду для казны, Артур Третий наконец сменил гнев на милость.

— Ладно, — буркнул король. — Амнистировать девчонку. Пишите приказ.

Тюремная карета в это время уже подъезжала к серым скалам алмазных рудников. Сквозь решетку окна девушка с замиранием сердца наблюдала за изнуренными заключенными, которые махали тяжелыми кирками. Сердце ушло в пятки, когда она остановилась у железных ворот.

Однако внутрь никого не пропустили. Из сторожевой будки выбежал начальник охраны, размахивая свитком с королевской печатью, доставленным спешным гонцом.

— Разворачивай! — крикнул он кучеру. — Королевская амнистия! Леди Руби свободна!

Путешествие обратно домой казалось Руби сном. Она пережила такой страх и потрясение за эти несколько часов, что ее организм отреагировал самым удивительным образом.

Когда карета наконец остановилась у родного дома, и дочь выбежала навстречу плачущим от радости родителям, те ахнули. Бешеный, ядовито-неоновый фуксиевый цвет от пережитого ужаса заметно поблек. Волосы уже не светились в темноте и потеряли свою гномью агрессивность, став мягкого, пастельного, нежно-розового оттенка — как лепестки зефира, оставив Руби вечное, но теперь уже красивое напоминание о ее дипломатическом дебюте.

Глава 4

Успех успехом, но пережитый страх перед рудниками лишил лорда и леди Арден сна. Было очевидно: оставлять дочь в столице — это все равно что хранить бочку с порохом рядом с камином.

Отец и мать закрылись в кабинете и принялись писать всем родственникам с единственной мольбой: «Заберите девочку к себе погостить. Хоть на месяц. Хоть на неделю!»

Однако слава о «розовой катастрофе» и угнанных грифонах уже разлетелась по всему королевству. Родственники, опасаясь однажды проснуться на каторге с киркой в руках, проявили чудеса изобретательности в отказах:

Тетя Агата из южной провинции написала, что у нее ремонт замка, и все комнаты завалены строительным мусором и гоблинами-штукатурами. Дядю Себастьяна из речного края внезапно затопило — причем так удачно, что по его гостинной, согласно письму, теперь можно передвигаться только на лодках.

От кузенов из горного поместья пришел ответ, написанный загробным почерком призрака старого дворецкого. Дух вежливо сообщил, что хозяев нет дома, они уехали в паломничество, а сам он, как бесплотная сущность, за леди Руби уследить не сможет. А многочисленное семейство барона фон Корфа прислало официальную бумагу о том, что все поместье находится на строжайшем карантине из-за эпидемии редкой болезни икания-чихания. К письму прилагалась приписка: «Ик! Апчхи! Не приезжайте! Ик!»

Надежда таяла на глазах. И тут в столицу прибыл неожиданный гость.

К воротам особняка Арденов подкатил небольшой отряд суровых воинов в тяжелых доспехах, подбитых волчьим мехом. Возглавлял их молодой человек по имени лорд Брандон — сын покойного друга отца Руби. Сам старый барон давно скончался, а Брандон принял после него командование Северным гарнизоном королевства на границе с ледяными пустошами.

Причина визита Брандона в столицу была прозаичной и безжалостной: королевская налоговая служба обнаружила у его покойного отца неуплату по налогам за пять лет. В столицу Брандона вызвали под угрозой лишения дворянского титула и трибунала. Чтобы покрыть этот забытый долг, молодому командиру пришлось выгрести из казны гарнизона все до последней монеты.

Поскольку денег на гостиницу у северян не осталось, отец Руби с радостью предоставил сыну старого друга и его гвардейцам постой в своем доме.

Вечером за ужином Брандон сидел мрачнее тучи. Его суровое, мужественное лицо, осунулось от усталости. Он отрешенно смотрел в тарелку, пока его воины молча ели. Руби, чьи волосы теперь отливали нежным, зефирно-розовым цветом, сидела напротив и с любопытством разглядывала гостя.

— Это катастрофа, дядя Ричард, — сказал Брандон, обращаясь к отцу Руби, и сокрушенно покачал головой. — Налоговая забрала все. Я привез им три сундука золота — все, что мы копили на закупку провизии и теплой одежды. Из-за этого долга отца теперь весь Северный гарнизон будет жить впроголодь несколько месяцев. А впереди суровая зима. Мои люди будут мерзнуть на стенах голодными, пока столичные чиновники пересчитывают монеты.

Он тяжело вздохнул, и этот вздох эхом отозвался в сердцах его гвардейцев.

Глава 5

Родители Руби сориентировались со скоростью опытных хищников, почуявших шанс избавиться от прекрасной, но опасной обузы.

Не успел Брандон договорить фразу о голодающих солдатах, как лорд и леди Арден поднялись с мест. Лица дипломатов светились такой решимостью, что северные гвардейцы схватились за рукояти мечей. Лорд и леди слаженным движением подхватили молодого командира с двух сторон под руки и, не давая ему опомниться, увлекли в рабочий кабинет, плотно закрыв за собой дверь.

Девушка и суровые воины остались сидеть за столом в недоумении, молча переводя взгляд друг на друга.

В кабинете дипломатический гений старшего поколения Арденов развернулся в полную мощь. Брандону, сокрушенному долгами, даже не пришлось сопротивляться. Ему предложили сделку, от которой не смог бы отказаться ни один стратег. Ровно через полчаса дверь кабинета распахнулась.

К десерту вернулся повеселевший воин и сияющие родители. Лорд Арден торжественно помахивал свежим свитком, на котором еще подсыхали чернила. Они только что подписали брачный контракт, по которому Руби становилась невестой Брандона, а ее приданое в три раза превышало пятилетний налоговый сбор, из-за которого страдал Северный гарнизон. Золота хватало и на налоги, и на тонны отборной провизии, и на самые теплые волчьи шубы для каждого солдата на стене.

— Дорогая! — торжественно объявила леди Арден, ласково глядя на дочь. — Мы приняли решение. Ты выходишь замуж за лорда Брандона и уезжаешь на прекрасный, тихий, очень далекий Север! Поздравляем с помолвкой!

Руби от такой новости громко и выразительно икнула.

В ту же секунду от ее нежно-розовой прически во все стороны брызнул сноп мелких искр. Их было совсем немного, но они красиво подсветили столовую, оседая на фарфоровые чашки и тарелки с пирожными. Брандон завороченно проводил взглядом угасающую искорку на своем плече, решив, что его будущая жена, пожалуй, оригинальная особа.

А за его спиной лорд и леди Арден испуганно переглянулись. Забыв об этикете, они начали лихорадочным шепотом обсуждать:

— Ричард, ты видел? Она икнула! Думаешь, эта ужасная икательно-чихательная болезнь от Корфов может передаваться через письма?

— Не знаю, дорогая, но контракт уже подписан, и карету на Север нужно собирать немедленно, пока искры не подожгли занавески!

Глава 6

Свадьбу сыграли ранним утром, едва рассвело. Во дворе уже стояла готовая к отбытию карета. Сборы напоминали эвакуацию во время стихийного бедствия.

Мама Руби, все еще пребывая в ужасе от вчерашнего икания дочери, упаковала огромный сундук. Она запихала туда все лекарства, микстуры, настойки и мази, которые только смогла отыскать в доме, уделив особое внимание редким снадобьям от икания и чихания. Коробка с порошками от простуды заняла почетное место поверх свадебного платья.

Отец Руби подошел к делу с практической стороны. Понимая, что на диком Севере деликатесов не сыщешь, он распорядился привязать к задней части кареты обитый изнутри льдом и соломой холодильный короб. В него плотно утрамбовали копченые колбасы, вяленые окорока, сыры и домашние паштеты — все, чтобы любимая доченька не голодала в суровом краю, ну и мужу с отрядом перепало.

Брандон, глядя на этот нагруженный до крыши караван, немного опешил. Его воины привыкли путешествовать налегке, питаясь солониной и сухарями, а тут их поход превращался в гастрономический тур. Однако молодой муж отнесся к ситуации благосклонно: в конце концов, благодаря приданому этой чудной девушки его гарнизон был спасен от разорения, да и перспектива питаться в дороге столичными окороками вместо сухих пайков радовала даже черствых ветеранов.

Первые пару дней пути прошли спокойно и без приключений. Руби, уставшая от бальной суматохи, арестов и внезапного замужества, с удовольствием обустроила себе уютное гнездышко прямо внутри кареты среди подушек и маминых лекарств.

Каждый вечер отряд останавливался на ночлег на лесных опушках. Суровые северяне разводили костры, над которыми в котелках булькала простая, но вкусная походная каша с добавлением отцовских колбас. Девушка, укутавшись в теплый волчий плащ Брандона, сидела на бревне у огня, ела ложкой прямо из котелка и блаженно шурилась. Искры от костра взлетали в темное небо, смешиваясь с розовым мерцанием ее волос.

Глава 7

На третий день Руби пропала.

Когда рассвело и лагерь начал просыпаться, Брандон подошел к карете, чтобы позвать жену на завтрак. Он постучал в деревянную дверцу, но ответа не последовало. Насторожившись, молодой командир потянул ручку на себя и заглянул внутрь — карета была пуста, среди подушек сиротливо лежал лишь мамин сундук с микстурами от чихания.

В лагере поднялась тревога. Воины начали прочесывать окрестности. Часовой, который должен был охранять сон лагеря, виновато опустил голову — он как раз отлучился на пару минут к ручью умыться и проглядел исчезновение леди.

Оказалось, Руби проснулась раньше всех, на самом рассвете. Выглянув в окошко кареты, она увидела умильную картину: от погасшего костра крошечный серый щенок изо всех сил пытался утащить мясную кость, оставшуюся после вчерашнего ужина. Кость была раза в три больше щенка, он пытался, спотыкался и жалобно попискивал.

Сердце девушки дрогнуло. Решив помочь бедолаге, она вылезла из кареты, подхватила одной рукой упирающегося пушистого колобка, другой забрала кость и пошла в лес, думая просто отнести малыша чуть дальше в кусты, чтобы его не затоптали просыпающиеся лошади.

Углубившись в чащу, Руби вышла на залитую утренним туманом поляну и замерла от ужаса. Из кустов навстречу ей выплывала огромная, матерая серая волчица.

Девушка вскрикнула и разжала руки, отпуская волчонка. Из травы тут же выскочили еще трое таких же серых карапузов — судя по всему, они пришли к лагерю на манящий запах столичных колбас. Руби, стараясь не делать резких движений, кинула большую кость на землю. Волчата с радостным рыком тут же набросились на нее, деля добычу.

Волчица не сделала ни шага вперед. Она лишь с материнской нежностью смотрела, как ее оголодавшие дети вгрызаются в кость. Присмотревшись, Руби заметила, что и малыши, и сама мать были худыми — ребра обтягивали серую шкуру. Видимо, охота в этих краях была совсем плохой.

Пока волчица была отвлечена созерцанием трапезы своих детей, Руби развернулась на цыпочках, собираясь незаметно уйти обратно. Но в этот момент на всю поляну раздалось урчание. Живот голодной волчицы требовал еды.

Страх Руби как рукой сняло, уступив место желанию причинять добро. Вместо того чтобы бежать, она со всех ног припустила в лагерь. Пока воины только начинали протирать глаза, розовая молния пронеслась мимо кареты, подбежала к отцовскому холодильному коробу, распахнула его и принялась выгребать припасы.

Через пару минут девушка вернулась на поляну. Она тащила три огромных куса сырого мяса и связку лучшей столичной колбасы.

Именно эту картину и застали Брандон с воинами, которые с обнаженными мечами и луками наперевес ворвались на поляну по следам своей госпожи. Они ожидали увидеть кровавую драму, но вместо этого застыли как вкопанные.

Посреди поляны на траве сидела Руби. Ее розовые волосы весело светились в утренней тени деревьев. Прямо перед ней дикая волчица с урчанием от удовольствия доедала мясной деликатес, а один из волчат уже сыто дремал, уткнувшись носом в подол ее дорожного платья.

Брандон опустил меч, глядя на эту невозможную, но до милую дипломатию с дикой природой.

Глава 8

С того дня волчица и пушистый выводок стали эскортом каравана. Воины Брандона, поначалу хватавшиеся за арбалеты при каждом шорохе, быстро привыкли к необычным попутчикам. Сама волчица соблюдала дистанцию: в лагерь не заходила, устраиваясь под кустами на границе леса, откуда ее желтые глаза следили за порядком. Зато четверо волчат устроили из походного лагеря игровую площадку. Они носились между палатками, грызли шнурки на сапогах ветеранов и заставляли улыбаться самых угрюмых северян. Руби в них души не чаяла, и теперь часть отцовских запасов мяса и колбасы уходила на прокорм «лесной дипломатической миссии».

Через неделю пути отряд немного выбился из графика. Из-за размытой горной дороги они задержались, и место для стоянки пришлось обустраивать уже глубокой ночью. В лагере царил суматоха: воины ставили палатки, кони устало фыркали, а Брандон сверял карту у тусклого фонаря.

Девушка, желая быть полезной и облегчить мужу жизнь, решила взять на себя сбор хвороста для костра. Под присмотром волчицы, скользившей тенью среди деревьев, Руби углубилась в лес. Буквально в паре шагов от тропы она наткнулась на поваленный куст с красивыми, сухими голубоватыми ветками, которые в темноте отливали перламутром.

— О, какие симпатичные! И сухие, загорятся быстро.

Волчица за спиной фыркнула, но препятствовать не стала — ветки как ветки, не ядовитые.

Вернувшись, Руби улучила момент, когда повар отвернулся за специями, и с гордым видом бросила голубые ветки прямо в костер, над которым уже вовсю кипел большой котелок с мясной кашей.

Через минуту над лагерьем поплыл умопомрачительный аромат. Вместо привычного запаха наваристого бульона по поляне разнесся теплый запах карамели и жареных орехов.

Воины побросали палатки и сбежались к костру, приняхиваясь. Брандон, заподозрив неладное, вырос рядом с Руби как из-под земли.

— Руби... — Брандон перевел взгляд с бурлящего котелка на жену, чьи нежно-розовые волосы в свете костра казались сахарной ватой. — Почему наша мясная каша пахнет как кондитерская лавка в день королевской коронации?

— Я просто помогла собрать хворост! — заулыбалась Руби, указывая на остатки голубых веток. — Посмотри, какие они красивые. Это, наверное, какое-то волшебное северное дерево!

Пожилой сержант отряда, взглянув на тлеющие угли, схватился за голову:

— Клянусь предками, это же карамельный кустарник! Миледи, его древесина при горении выделяет сладкий маслянистый пар. На нем эльфы свои десерты копят! А у нас там... у нас там три килограмма говядины и лук!

Делать было нечего — другой еды на ночь глядя варить никто не собирался. В итоге ужин превратился в гастрономическое испытание для гвардейцев. На тарелках у всех дымились пригорно-сладкая, карамельная каша со вкусом орехов, в которой плавали куски соленого мяса.

У костра повисла тишина. Воины нерешительно возили ложками по тарелкам. Руби первая отправила кашу в рот и зажмурилась:

— М-м-м! А что, даже изысканно. Контраст вкусов! Кисло-сладкий соус — это сейчас последний писк моды в столице, честно!

Один из молодых гвардейцев, прожевав кусок мясной карамели, просиял:

— А ведь леди права! Знаете... если не думать о том, что это говядина, то вкус как у праздничного пирога. И сытно!

— Точно! — подхватил другой, активно уплетая ужин. — Настоящая мужская сладость. И жевать приятно, и сахар в кровь ударяет. Ваше здоровье, миледи! Спасибо за пир!

Воины дружно застучали ложками, нахваливая кашу, а один из волчат, пристроившийся у ног Руби, с удовольствием вылизывал ее тарелку. Брандон сидел чуть поодаль. Он жевал карамельное мясо, не сводя с жены пристального, слегка опасливого взгляда.

— Ты ведь понимаешь, — сказал он, когда Руби под села к нему поближе, — что мои люди теперь считают тебя лесной доброй ведьмой? Сначала волки, теперь карамельное мясо.

— Ну, по крайней мере, никто не умер, и все сыты, — резонно заметила Руби, застенчиво поправив розовую прядь. — Брандон, скажи честно... каша совсем ужасная?

— Каша... специфическая, — Брандон усмехнулся, глядя, как сержант просит добавки. — Мясо со вкусом карамели — это то, что я точно не ожидал попробовать в военном походе. Но должен признать, у тебя талант. Ты умудряешься устраивать катастрофы, которые почему-то делают всех счастливыми.

— Это мой дар, — гордо выпрямилась Руби. — Родители всегда говорили, что я умею находить нестандартные выходы из ситуаций.

— Твои родители, — Брандон покачал головой, вспоминая, с какой скоростью они подписывали брачный контракт, — гении тактики. Они отправили тебя на Север, зная, что здесь у меня под рукой целый гарнизон, чтобы ликвидировать последствия твоих «нестандартных выходов».

Руби рассмеялась, и от ее волос в ночное небо отлетело несколько крошечных розовых искорок.

— Не переживай, командир. На Севере я буду вести себя тише воды, ниже травы. Никаких происшествий!

Брандон вздохнул, глядя на ее сияющую улыбку, и пробормотал себе под нос:

— Да уж, конечно. Завтра мы въезжаем на территорию гарнизона. Надеюсь, наши стены выдержат твой розовый этикет...

Глава 9

Северный гарнизон встретил молодую жену командира с воодушевлением. Слухи о столичной леди, которая спасла крепость от голодной зимы, привезя с собой три огромных сундука золота и холодильный короб деликатесов, прилетели в цитадель раньше каравана.

Появление Руби произвело фурор. Ее пастельно-розовые зефирные волосы, сияющие на фоне серых стен, солдаты сочли добрым знамением. Волчью стаю встретили как родных: волчицу и волчат накормили и выделили им место в пустом загоне.

Вечером в главном зале крепости устроили праздничный ужин. Суровые воины поднимали кубки за здоровье молодых, гремели щитами и поздравляли Брандона с такой прекрасной супругой. Руби весело смеялась, а Брандон сдержанно улыбался.

После пира девушку отвели в ее покои. Ей выделили просторную, светлую комнату, обставленную мебелью из дуба и застеленную пушистыми шкурами белых медведей. Комната располагалась прямо за стеной у Брандона, и между их спальнями была массивная дверь, которая сейчас была приоткрыта.

Пожилые служанки с улыбками помогли Руби раздеться, переодели в тонкую, расшитую серебряными нитями сорочку и, расчесав розовые локоны, за руку проводили... в спальню мужа.

Молодая жена осталась сидеть на краю командирской кровати. В комнате горело всего несколько свечей, бросая длинные тени на бревенчатые стены. Сердце девушки колотилось в груди. Она перебирала пальцами край простыни, волосы от волнения то и дело испускали крошечные искры, которые тут же тухли в темноте.

Дверь скрипнула, и в спальню вошел Брандон. Он уже снял тяжелые доспехи, оставшись в одной свободной темной рубахе. Увидев на своей кровати Руби, воин замер на пороге, и его брови удивленно взлетели вверх.

— Руби? — он закрыл за собой дверь. — Что ты здесь делаешь? Я думал, служанки устроили тебя в соседней комнате.

— Они... устроили, — Руби смущенно кашлянула, стараясь не смотреть ему в глаза. — Но потом привели меня сюда. Сказали, что на Севере жена обязана греть постель мужа, иначе зима будет лютой. Брандон, я... я правда не знаю ваших обычаев, поэтому просто сижу тут.

Брандон хмыкнул и присел на сундук напротив кровати. Между ними повисла неловкая, но теплая пауза.

— Наши служанки старой закалки, — мягко сказал он, глядя, как красиво подсвечиваются ее розовые волосы в полумраке. — Они мыслят вековыми традициями. Но мы-то с тобой знаем правду.

— Какую правду? — Руби подняла на него глаза.

— Наш брак, — Брандон вздохнул, качнув головой. — Давай говорить честно. Твои родители спасали тебя и столицу от твоих... разрушительных талантов. А я спасал свой гарнизон от голода и нищеты. Наш союз — это формальность. Налог уплачен, приданое получено. Ты сделала для моих людей больше, чем кто-либо, и я тебе благодарен. Но я не стану принуждать тебя к настоящему браку. Ты здесь в безопасности и вольна делать все, что захочешь. Можешь спать в своей комнате, а эту дверь... — он указал на проход между спальнями, — мы можем просто запереть.

Руби слушала его, и внутри нее смешались облегчение и укол легкой обиды. Она поднялась с кровати, оправляя подол сорочки.

— Формальный, значит... — повторила она. — Что ж, лорд Брандон. Это очень... практичный подход. Как и полагается северному воину. Спасибо за честность. Пожалуй, я пойду к себе, пока мы окончательно не заморозили эту зиму.

— Я не хотел тебя обидеть... — Брандон сделал шаг вперед, но девушка уже шмыгнула в приоткрытую дверь.

— Доброй ночи, командир! — донеслось из соседней комнаты, и массивная створка с негромким, но решительным стуком закрылась. Щелкнул замок.

Брандон остался стоять посреди пустой и холодной спальни. В комнате больше не было розового сияния, к которому он успел привыкнуть за дни пути. Пахло только угасающим воском и морозным воздухом из окна.

Он подошел к закрытой двери, прислонился к ней плечом и посмотрел на замочную скважину. На полу у порога лежала одинокая искорка, которая медленно таяла, оставляя после себя едва уловимый аромат карамели.

«Формальный брак, — мысленно повторил Брандон свои собственные слова, и внутри у него неприятно заскребло. — Дурак ты, Брандон. И зачем ты это сказал? На Севере ведь и правда бывают очень холодные ночи...»

Глава 10

Пару недель Руби была с головой погружена в дела гарнизона. Она исследовала каждый закоулок цитадели и знакомилась с ее обитателями. Не все, правда, были дружелюбны: старая кухарка Марта ворчала, что от розовых волос новой хозяйки скиснет молоко, а суровый кузнец хмурился, опасаясь, что ее искры испортят закалку стали.

По вечерам в крепости становилось невыносимо скучно. Но самое неприятное — в замке после захода солнца наступала кромешная тьма.

— Почему мы сидим со столовыми огарками, и в коридорах хоть глаз выколи? — спросила Руби у мужа за ужином.

— Безопасность, — коротко ответил Брандон, не поднимая глаз от отчетов. — Стоит зажечь яркий огонь, как на свет из низин летят лесные кровососы. Это твари размером с кулак. Если ворвутся в замок — заедят до полусмерти.

— Но это же жутко неудобно! — возмутилась Руби.

— Зато безопасно, — отрезал командир.

Скучая у своего окна по вечерам, когда совсем темно, Руби начала замечать странное явление. Далеко в стороне от гарнизона, на краю лесной низины, во тьме вспыхивали призрачным, зеленым светом несколько деревьев. Днем Руби специально всматривалась в ту сторону, но среди сотен одинаковых елей и сосен не могла понять, какие именно из них светятся.

В голове девушки созрел план. «Кровососы летят на тепло и огонь, — рассуждала она. — А этот зеленый свет — холодный. На ветки волшебных деревьев кровососы точно не полетят! Если я принесу эти ветви в замок, у нас будет светло!»

На дело Руби собралась ночью, когда весь гарнизон спал. Она выскользнула из комнаты, потом через окно первого этажа и растворилась в темноте, держа курс на зеленое марево вдали.

На утро в крепости разразилась катастрофа. Леди снова пропала.

Брандон рвал и метал. Были организованы поиски, на ноги подняли весь гарнизон. Воины с факелами и собаками прочесывали окрестности, а командир возглавил главный отряд. Сердце у него бешено колотилось отнюдь не из-за страха за приданое.

— Найдете ее — свяжите по рукам и ногам! — рявкал Брандон в лесной чаще. — Кто-нибудь вообще видел, куда понесло эту розовую фурию?!

Вдруг из кустов выскочила волчица. Она рыкнула, привлекая внимание, и мотнула головой в сторону оврага, призывая идти за ней.

— За мной! — скомандовал Брандон, бросаясь вслед за зверем.

Волчица вывела отряд к небольшой, скрытой туманом низине. И тут воины застыли.

Посреди поляны стояли три потрясающих дерева, чья кора и листья светились ярким, изумрудным светом. У подножия одного из них, прямо на земле, мирно спала Руби. Вокруг нее, свернувшись клубками, дремали четверо волчат. Лицо девушки было слегка измазано, в руках она сжимала топор, а рядом лежала охапка светящихся зеленых веток. Зеленый свет деревьев смешивался с нежно-розовым сиянием ее волос, создавая вокруг Руби сказочную ауру.

Брандон подошел ближе. Хрустнула ветка. Руби открыла глаза, подскочила и воинственно замахнулась топором.

— Назад! — сонно прокричала она.

— Опустит топор, пока ты не отрубила себе ногу, — устало, но с облегчением выдохнул Брандон, забирая у нее тяжелое орудие. — Ты хоть понимаешь, что подняла на уши всю армию Севера? Что ты здесь делаешь?!

— Я решаю жилищно-коммунальные проблемы твоего гарнизона! — Руби гордо выпрямилась, отряхивая платье, отчего от ее прически во все стороны весело брызнули розовые

искры, смешиваясь с зеленым свечением листьев. — Посмотри на эти ветви! Они светятся сами по себе. Я проверила: они холодные, дыма нет, огня нет. Кровососы на них даже не смотрят, я всю ночь караулила! Я принесу их в замок, и у нас будет свет!

Брандон ошеломленно посмотрел на зеленую охапку, затем на жену.

— Это гнилушник лунный... — подал голос из-за спины командира сержант. — Редкая штука, растет только в топях. Мы-то думали, это колдовство, и обходили стороной. А ведь леди права... этот свет не греет, твари на него не реагируют.

Брандон перевел взгляд на Руби. Его суровое лицо дрогнуло, и он вдруг рассмеялся, качая головой.

— Ты невозможна. Ты ушла ночью в дремучий лес, с топором, к волкам... ради того, чтобы в замке не было темно?

— Ну да, — Руби смущенно прикусила губу, ее локоны вспыхнули ярче. — К тому же... в темноте я не вижу, закрыл ты ту дверь между нашими спальнями или нет. А со светом все будет понятнее.

Брандон замер, внимательно вглядываясь в ее глаза. Он сделал шаг ближе, поднял с земли светящуюся зеленую ветку и протянул Руби руку, помогая ей подняться.

— Дверь я не запер, — негромко, так чтобы не слышали солдаты, произнес он, и его губы тронула улыбка. — И, кажется, зря я вообще заговорил о формальностях. Идем домой, леди Катастрофа. Будем вешать твои новые лампы. И... дверь мы, пожалуй, оставим открытой.

Глава 11

Гарнизон преобразился. Руби обошла все склады и углы, собрала все вазы, глиняные кувшины и даже пустые бочонки из-под эля, расставив в них светящиеся изумрудные ветви. В каменных коридорах замка стало светло и невероятно уютно. Зеленое свечение гнилушника, смешиваясь с мягким розоватым мерцанием волос самой хозяйки, создавало в крепости атмосферу вечного праздника.

Однако на этом благоустройство не закончилось. Брандон стал замечать забавные странности. Началось с того, что его боевой плащ из медвежьей кожи вдруг стал отчетливо пахнуть... фиалками. Причем ладно его плащ — вскоре цветочным шлейфом окутало половину офицерского состава.

Расследование заняло ровно две минуты и привело Брандона в прачечную.

— Объясни мне, почему от моих штурмовиков теперь пахнет как от фрейлин королев? — Брандон хмуро разглядывал жену, которая увлеченно взбивала мыльную пену в огромном корыте. — Нас засмеют даже лесные волки.

— Я просто решила почистить ваши вещи! — Руби с гордостью продемонстрировала ему пустой флакон из маминого сундука. — Это концентрат для стирки с ароматом «Фиалковая роса». Ваши кожи пахли сыростью и старым жиром, Брандон!

— Фиалки — это не военные цветы, — строго отчеканил муж, стараясь не улыбаться, глядя на мыльную пену на ее носу. — Солдаты должны пахнуть порохом, сталью и морозной хвоей.

Руби приняла замечание к сведению. Уже к следующему вечеру фиалковый кошмар прекратился. Из маминых запасов было извлечено другое средство, и отныне весь гарнизон стойко, мужественно и оглушительно пах ароматом заснеженной ели.

Едва Брандон смирился с хвойным амбре, как подоспела новая напасть. Придя утром в конюшню, чтобы проверить своего коня, командир застыл на месте. На кожаной уздечке его огромного вороного жеребца красовались кокетливые бантики. Розовые. Точно такие же украшения красовались на лошадях его гвардейцев.

Брандон со стоном зажмурился и пошел искать супругу. Нашел он ее на крепостной стене, где она подкармливала подросших волчат.

— Руби, это уже слишком, — Брандон указал рукой в сторону конюшен. — Розовые бантики на уздечке командирского жеребца? Ты понимаешь, что розовый — это вообще не мужской цвет? Как и бантики в целом. Я боевой офицер, а не столичный франт.

Руби обернулась, розовые локоны весело качнулись на ветру.

— Брандон, ты ничего не понимаешь. Во-первых, так ваших коней сразу видно в тумане. Во-вторых, у меня в сундуке были только такие ленты... ну, и еще черные. Но я подумала, что черные банты на военных лошадях — это как-то слишком печально. Ты же не хочешь, чтобы твой полк выглядел как похоронная процессия?

Брандон открыл было рот, чтобы возразить, но аргумент про похоронную процессию застал его врасплох.

— Черные не надо, — вздохнул он, потирая переносицу. — Но розовые сними. Пожалуйста.

Руби послушно закивала, пообещав что-нибудь придумать. Дверь между их спальнями по ночам теперь всегда оставалась приоткрытой, и Брандон, засыпая под мягкий зеленый свет из коридора, ловил себя на мысли, что эти розовые бантики на вороной шерсти его коня смотрелись... даже мило.

А на следующее утро Руби опять пропала.

В ее комнате лежали снятые с уздечек розовые ленты. На столе сиротливо стоял пустой флакон из-под елового концентрата. Самой девушки нигде не было.

Брандон, уже привыкший к утренним сюрпризам своей жены, даже не стал ругаться. Он просто молча застегнул плащ (который все еще слегка отдавал хвоей и фиалками), вышел во двор крепости и свистнул волчицу.

— Ну что, серая, — спокойно сказал Брандон, глядя на чутко поднятые уши зверя. — Веди. Показывай, куда на этот раз унеслась наша розовая дипломатия...

Глава 12

На этот раз волчица вела Брандона и его отряд не к красивой поляне, а в глубь угрюмых топей. Продираясь сквозь колючие заросли и густой туман, Брандон молил всех богов, чтобы его розовая катастрофа не успела натворить ничего непоправимого.

Они вышли к затянутому ряской болоту. Картина, представшая перед ними, заставила сердце командира пропустить удар.

Руби сидела по самую грудь в ледяной жиже. Одной рукой она изо всех сил цеплялась за какую-то хлипкую, трещащую от напряжения ветку куста, чтобы окончательно не уйти под воду. А второй рукой девушка прижимала к себе странного, мокрого детеныша. Существо размером с крупную кошку, покрытое зеленоватой шерстью, с огромными испуганными глазами и перепончатыми лапками, вцепилось в ее розовые волосы.

— Не шевелись! — рявкнул Брандон, сбрасывая тяжелый плащ.

С помощью воинов, бросивших веревки, Брандон вытащил жену. Едва оказавшись на траве, Руби зашлась в сильной дрожи от пронизывающего холода. Зеленого болотного детеныша трясло точно так же, и он жалобно попискивал, не желая отпускать волосы своей спасительницы.

Брандон подхватил жену на руки вместе с существом, укутал в свой теплый меховой плащ и развернулся в сторону крепости. Пока отряд быстро шел назад, Руби, стуча зубами от холода, прерывисто шептала мужу прямо в ухо:

— Б-Брандон... я не нарочно... Я... услышала, как к-кто-то так горько плачет в камышах. Прямо навзрыд! Ну как я могла пройти мимо? Пошла... а там он, завяз в тине. Я потянулась... и сама ухнула. Посмотри, какой он милый.

— Руби, — Брандон крепче прижал ее к себе, стараясь согреть своим дыханием. — Этот «милый» — детеныш болотного водяного. Они жутко злопамятные, если их обидеть, но теперь... Ты невыносима. Молчи и грейся.

Ввалившись в замок, командир сдал мокрую, дрожащую девушку и пищущего водяного служанкам.

— В горячую воду их! Обоих! — скомандовал он. — Отмыть, растереть спиртом и завернуть в самые толстые одеяла.

Оставшись в своем кабинете, Брандон принялся мерить комнату шагами. В жилах все еще бурлил адреналин. Стало ясно: формальный брак или нет, но если он не приставит к жене постоянную охрану, Руби либо приручит всю нечисть Севера, либо однажды окончательно утонет, пытаясь спасти какого-нибудь призрака от депрессии.

«Кого поставить к ней? — лихорадочно думал он. — Мои воины слишком медлительны для нее. К тому же она заговаривает им зубы своими розовыми бантиками».

И тут его осенило. Брандон вышел во двор и направился к псарне.

Через час, когда согретая, чистая Руби сидела в своей спальне в сухой одежде и пила горячий чай, дверь между комнатами открылась. Вошел Брандон, а за ним, лениво перебирая лапами, шествовала серая волчица. За ней гуськом семенили четверо подросших волчат.

— Ну как ты, пахнущая еловым мылом спасительница водяных? — мягко спросил Брандон, присаживаясь на край ее кровати.

— Уже лучше, — улыбнулась Руби, хотя ее щеки все еще были бледными, а волосы отголосками пережитого страха испускали редкие искорки. — А почему с тобой... они?

— Это твоя новая гвардия, — Брандон кивнул на волчицу, которая чинно улеглась прямо у ног Руби, положив тяжелую голову на ее тапочки. — Я официально назначаю серую матушку

твоим главным телохранителем. От моих парней ты умудряешься сбегать до рассвета. А вот от нее ты не скроешься ни в болоте, ни на дереве. Она будет ходить за тобой шаг в шаг.

Руби удивленно моргнула, а затем рассмеялась, протягивая руку, чтобы почесать волчицу за ухом.

— Мне нравится. Брандон, ты очень заботливый муж для... формального брака.

Брандон вздохнул, поймал ее ладонь и серьезно сказал:

— Забудь это дурацкое слово. На Севере, конечно, холодно. Но с тех пор, как ты приехала, у меня в крепости то фиалками пахнет, то каша карамельная, то волки в коридорах, то стены зеленым светятся. Я сегодня, пока тащил тебя из болота, понял одну вещь.

— Какую? — тихо спросила Руби, и ее нежно-розовые волосы вспыхнули ярким светом.

— Без тебя этот гарнизон снова станет скучным и правильным. А я больше не хочу правильным. Я хочу с бантиками на лошадях. И с тобой.

Глава 13

Болотного детеныша вернули родителям в тот же день. Брандон отнес пищущего малыша к топям и передал в перепончатые лапы пучеглазого и растроганного до слез папаши-водяного. За это командир получил булькающую благодарность и обещание, что отныне болотный народ будет обходить крепостные стены десятой дорогой, а целебную грязь для лечебницы гарнизона станет доставлять бочками каждую луну.

Вскоре пришло время плановой проверки дальних границ побережья. Это было долгое, но не опасное конное путешествие, и Руби, уставшая от сидения в четырех стенах, напросилась с мужем.

— Даже не думай, — Брандон хмуро затягивал подпругу на вороном жеребце. — Это военный объезд. Там дуют штормовые ветры, дикие скалы и никакого хвороста для твоих экспериментов. Ты остаешься.

— Брандон, ну пожалуйста, — Руби подошла ближе.

Она посмотрела на него своими огромными глазами, в которых отражалось северное небо, и так ласково, доверчиво положила свою хрупкую ладонь на его руку, что у командира Севера почему-то напрочь отключилось стратегическое мышление. Сердце предательски екнуло.

— Ладно, — выдохнул он, проклиная свою внезапную мягкотелость. — Но ты не отходишь от меня ни на шаг. И серая матушка идет с нами.

Прибыв к побережью, Брандон решил перестраховаться. Выбрав гладкий, нагретый скупым солнцем камень, он усадил туда жену, укутал в меховой плащ и строго посмотрел в глаза:

— Сиди здесь. Смотри на море. Вот тебе сухарики. Серая, стеречь ее так, словно это королевская казна. Я проверю береговые посты на скалах и вернусь через час.

Руби послушно закивала, и Брандон ушел почти с легким сердцем. Ближайшие сорок минут он спокойно занимался делами, проверял сигнальные маяки и беседовал с дозорными. Идиллия закончилась внезапно, когда из-за валунов выскочила волчица. В ее зубах был зажат рванный кусок подола от дорожного платья Руби. Зверь мотал головой, всем видом показывая, что этот трофей она вырвала в отчаянной попытке удержать свою подопечную.

— О боги, только не снова, — прошептал Брандон, хватаясь за голову, и со всех ног бросился к берегу.

Выбежав на песчаную отмель, отряд замер. Примерно в ста метрах от берега, на полугнилом плотике, который кто-то бросил на берегу, стояла Руби. В руках она держала обломок весла, а ее нежно-розовые волосы победоносно развевались на морском ветру.

Плот причалил к старому, полузатопленному рыбацкому бую, вокруг которого путались обрывки браконьерских сетей. А в этих сетях качался на волнах невероятно красивый, длинноволосый русал с переливчатым изумрудным хвостом. Руби как раз заканчивала перерезать путы ножом.

— Руби!!! — истошно закричал с берега Брандон, зайдя по колено в ледяную воду. — Немедленно гребите назад! Это морская нечисть!

— Брандон, не кричи, ты пугаешь дельфинов! — обернулась Руби, весело помахав ему. — Его зовут Аквамарин, и он застрял!

Русал тем временем грациозно выпутался из последних веревок, сделал изящный пируэт в воде и, вынырнув у самого края плотика, ласково заглянул Руби в глаза. Голос его звучал как пение сирен, источая патоку и соблазн.

— О, прекрасная дева с волосами цвета утренней креветки, — пропел русал. — Моя благодарность глубже, чем Марианская впадина. Вы спасли наследного принца Южных течений! Мой дворец из жемчуга и кораллов открыт для вас. Пойдемте со мной в гости? Прямо

сейчас! Тут недалеко, всего триста миль на глубину. Там у нас как раз сезон дегустации бродящих водорослей.

— Ой, как заманчиво, — Руби вежливо улыбнулась, слегка смутившись. — Но, боюсь, у меня нет с собой купальника, да и дышать под водой я не умею...

— Это поправимо! Я просто утащу... то есть, увлеку вас на дно, и магия океана сделает все сама! — русал ласково потянул плотик за край, уводя его дальше в море.

— Стой, куда?! — Руби попыталась оттолкнуться веслом.

— Стреляйте ему в хвост! — рявкнул Брандон на берегу, но гвардейцы медлили, боясь задеть хозяйку.

Командир, не раздумывая, бросился вплавь, проклиная всех морских обитателей вместе взятых. Через минуту его злое лицо и тяжелая рука выросли между русалом и плотиком. Брандон мертвой хваткой вцепился в край деревянного настила, силой разворачивая его к берегу.

— Слышь, Аквамарин, — тяжело дыша от холода, процедил Брандон, сверкая глазами на хвостатого соблазнителя. — Принц Южных течений, говоришь? А по морде от начальника Северного гарнизона получить не хочешь? Она замужем! За мной! И у нее аллергия на водоросли!

Русал разочарованно фыркнул, ударив хвостом по воде и обдав Брандона веером брызг.

— Варвар сухопутный, — обиженно протянул морской житель. — Никакого чувства прекрасного. У вас в гарнизоне все такое серое, а эта леди — как яркий коралл в пустыне. Ладно, леди Руби, если этот ревнивый тюлень вам надоест — жду вас на третьем рифе слева после шторма!

С этими словами русал эффектно ушел на глубину, блеснув на прощание изумрудной чешуей.

Брандон, злой, мокрый и замерзший, из последних сил дотолкал плот с Руби до мелководья. Кое-как выбравшись на песок, он упал на колени, тяжело дыша. Волчица тут же подбежала и виновато уткнулась ему в плечо, словно прося прощения за недосмотр.

Руби испуганно соскочила с плота, упала рядом с мужем на колени и принялась заботливо укутывать его в тот самый меховой плащ, который он оставил на камне. От ее искреннего волнения от волос во все стороны снова полетели красивые искры, согревая воздух вокруг них.

— Брандон, прости, пожалуйста! — лепетала она, вытирая его мокрое лицо ладошками. — Я правда думала, что это просто большая рыба плачет! Ты такой мокрый... у меня в сундуке есть отличная настойка от простуды, мамочка дала!

Брандон поймал ее за руки, заставляя замереть. Он посмотрел на ее испуганное, родное лицо, на эти невозможные розовые волосы, которые сейчас пахли соленой морской водой, и вдруг хрипло рассмеялся.

— Руби... — он притянул ее к себе, крепко обнимая прямо перед ошеломленными гвардейцами. — Ты замужем за мной всего три недели, а я уже успел договориться с эльфами, приручить волков, подружиться с водяными и чуть не потерять тебя в царстве русалок.

— Но ведь... все остались довольны? — робко уточнила Руби, уткнувшись носом в его мокрую шею.

— Вези меня в замок, леди Катастрофа., — Брандон улыбнулся, целуя ее в макушку, отчего волосы девушки вспыхнули еще ярче. — Будем пить твою мамину настойку. И пообещай мне, что завтра мы просто посидим дома.

Глава 14

Следующие несколько дней в гарнизоне царил покой. За окнами цитадели с утра до ночи шумели проливные осенние дожди, укутывая северные горы плотным серым саваном. Брандон и Руби сидели в его кабинете у весело трещащего камина. Укутавшись в пушистые медвежьи шкуры и попивая мамину настойку, они разговаривали обо всем на свете — о чопорной столичной жизни, о суровых зимних метелях, о детстве и о том, как странно, но удивительно счастливо переплелись их судьбы. С каждым часом они становились все ближе, и приоткрытая дверь между спальнями больше никого не смущала.

Идиллия оборвалась на рассвете, когда над крепостью завывли сигнальные рога. Тревога!

Пользуясь затяжными дождями и зная, что на этом рубеже стоит всего один гарнизон, на северную границу вероломно напало войско соседнего королевства. Противник рассчитывал на легкую победу. Пока гонцы на грифонах летели в столицу за подмогой, воинам Брандона пришлось принять удар на себя — и на суше, у подножия скал, и на бушующем море.

Брандон, застегивая боевые доспехи, ворвался в комнату Руби. Его лицо было бледным и суровым.

— Без глупостей, — он схватил ее за плечи. — Это настоящая война. Я запру тебя, серую матушку и волчат здесь. Гнилушник светится, еда есть. Сиди тихо. Пообещай мне!

— Брандон, я могу помочь! У меня есть мамини мази от... — попыталась вставить Руби, но муж уже мягко, но решительно подтолкнул ее вглубь комнаты.

— Сиди здесь. Я люблю тебя и должен знать, что ты в безопасности, — быстро произнес он, впервые озвучив то, что оба они уже знали.

Дверь захлопнулась, и снаружи со скрежетом повернулись три тяжелых замка.

Однако то, что началось дальше на поле боя, не поддавалось никакому военному анализу. Нападавшие ждали легкой прогулки, но наткнулись на яростное сопротивление... самой северной природы.

Когда десантные лодки противника попытались подойти к берегу, из пучины с хохотом вынырнул русал Аквамарин с целой армией своих хвостатых соплеменников. Они с легкостью переворачивали вражеские суда, запутывали весла в браконьерских сетях и утаскивали щиты на дно. На суше дела у врага пошли не лучше: едва их пехота попыталась обойти гарнизон через низины, как из топей с глухим бульканьем полезли разгневанные болотные водяные. Они пачками хватали солдат за ноги и штабелями укладывали их в трясину, заматывая в липкую зеленую тину.

— Что здесь происходит?! — орал вражеский генерал, уворачиваясь от очередной летящей в него болотной кочки. — Нам говорили, здесь только люди! Откуда у них пакт о взаимопомощи с нечистью?!

Поняв, что кампания с треском проваливается, предводитель нападавших пошел на крайнюю меру. Выхватив черный магический амулет, он активировал древнюю, запретную магию подчинения. Земля содрогнулась, и из лесной чащи на поле боя вышагнул огромный, свирепый огр. Чудовище высотой с крепостную башню, покрытое броней из каменных наростов, взревело так, что с гор посыпались камни. На огра не действовали ни стрелы дозорных, ни магия штатных чародеев гарнизона — он крушил все на своем пути, уверенно двигаясь к запертым воротам цитадели.

Королевская армия из столицы уже была на подходе, ее авангард виднелся на горизонте. В глубь страны врага они точно не пустят. Но воины самого гарнизона были в реальной опасности не дожидаться подмоги всего каких-то полчаса и замертво полечь от лап каменного монстра.

Понимая это, Брандон принял единственное решение командира. Ворота замка открылись. Израненный, уставший, но непобежденный отряд северян во главе со своим командиром выстроился на площади перед цитаделью для своей последней, самоубийственной битвы. Огр сделал последний шаг и замахнулся огромной дубиной...

Глава 15

И в этот момент на поле боя появилась Руби.

Из запертой комнаты девушка выбралась через окно. Вместе с ней бесшумными тенями скользили серая матушка и четверо волчат. Руби бежала стремительно, забирая сильно в обход отряда мужа — она прекрасно понимала, что Брандон костями ляжет, но не пустит ее на передовую.

— Смотрите! Там леди Руби! — закричал сержант, заметив пастельно-розовое мелькание в стороне.

— Руби!! Назад! Стоять! — истошно заорал Брандон, бросаясь наперерез, но было поздно.

Руби двигалась как заправский столичный дуэлянт. Она ловко уворачивалась от редких вражеских солдат, пытавшихся преградить ей путь, а тех, кто подбирался слишком близко, мощными лапами и глухим рыком отбрасывала огромная волчица. В руках у девушки была та самая мамина корзина, доверху набитая лекарствами, мазями и настойками.

Дело в том, что еще из окна спальни Руби заметила то, чего в пылу битвы не разглядели суровые воины: великан прихрамывал на левую ногу, в его лапе торчал обломок обожженного бревна. Огр выл и крушил все вокруг больше от боли, чем от злости.

Розовая молния добежала прямо до стопы чудовища.

— Тише, маленький, тише, я помогу! — звонко крикнула Руби, задрав голову вверх.

Огр от такой невиданной наглости опешил. Он замер с поднятой дубиной и уставился вниз на светящуюся розовую точку. Руби одним движением вытряхнула на траву содержимое корзины: склянки зазвенели, ампулы покатались по земле. Девушка подбежала к огромной ноге, обеими руками ухватила за торчащую щепку и с криком: «Раз, два, взяли!» — со всей силы дернула ее на себя.

Великан оглушительно взревел, но Руби уже вылиwała на рану целую банку маминой мази от икания и чихания, а сверху щедро засыпала охлаждающим порошком.

Огр изумился настолько, что в его первобытной голове просто не осталось места для других мыслей. Боль начала стремительно утихать, сменяясь приятным холодком. Великан даже не слышал приказов магии подчинения, которую вражеский предводитель, брызгая слюной от ярости, пытался активировать, подойдя уже почти вплотную.

Почему почти вплотную? Потому что подойти ближе и завершить заклинание злодею не давала волчица с волчатами, которые со свирепым рыком кружили вокруг мага, заставляя его испуганно отмахиваться мечом.

— Вот так, хороший мой, сейчас заживет, — ласково приговаривала Руби, размазывая целебный крем по каменной коже огра. — Мамочка всегда говорила: главное — вовремя продезинфицировать. Потерпи еще секунду, сейчас наложим повязку...

Огр заворуженно слушал ее нежный голос, а его гигантские ноздри шумно втягивали незнакомый, но приятный запах фиалок и мяты. Он даже присел на корточки, чтобы девушке было удобнее.

В этот момент один из шустрых волчат, воспользовавшись тем, что великан опустился пониже, с разбегу запрыгнул по его каменным наростам прямо к нему на плечо. Малыш весело твякнул и вцепился зубами в блестящий черный амулет подчинения, висевший на шее огра. Хрусь! Цепочка лопнула, и волчонок с победным рыком спрыгнул обратно в траву, сжимая в пасти разбитый артефакт.

Вражеский предводитель вскрикнул, когда магия окончательно развеялась, оставив его один на один с дикой природой.

Огр, почувствовав свободу и избавление от боли, поднялся на обе ноги. Он отодвинул Руби назад ладонью, закрывая ее от опасности, и развернулся лицом к своему бывшему хозяину. На его клыкастой морде расплылась недовольная усмешка.

— Упс, — пролепетал вражеский генерал, пятясь назад под тяжелым взглядом великана.

— Руби, отойди от него! — Брандон наконец добежал до места событий и крепко обнял жену, закрывая своим щитом.

— Брандон, аккуратнее, ты наступишь на микстуру от кашля! — возмутилась Руби, пытаясь высвободить руку. — Посмотри, он больше не кусается, мы его вылечили!

— Ты... ты вылечила боевого огра мазью от чихания? — Брандон ошеломленно перевел взгляд с пустых склянок на гигантского монстра, который в этот момент с хрустом переламывал дубину вражеского генерала пополам.

— Ну конечно! — гордо заявила Руби. — К тому же, у него был запущенный случай занозы. Как тут не помочь?

Вражеское войско, увидев, что их главное оружие развернулось против них же, в панике бросилось наутек. Огр издал победный рев, который эхом покатился по горам.

Брандон устало опустил меч, глядя на этот невероятный триумф. Его воины позади начали восторженно греметь щитами, выкрикивая имя своей хозяйки.

— Знаешь, леди Брандон, — сказал командир, поворачивая Руби к себе и нежно убирая с ее лица розовую прядь. — Я думал, что запру тебя на три замка ради твоей безопасности. Но теперь я понял: замки нужны были для безопасности этого бедного огра.

— Главное, что все живы и здоровы, — улыбнулась Руби, прижимаясь к его плечу.

Глава 16

Подоспевшая королевская армия выловила по лесам и болотам испуганные остатки вражеского войска. В честь победы в гарнизоне два дня гремели пиры — столичные рыцари и суровые северяне дружно пили эль, нахваливали розоволосую хозяйку и подкармливали огромного огра, который теперь охранял главные ворота цитадели. На третий день армия забрала пленных и двинулась обратно в столицу.

А буквально на хвосте у уходящей армии в гарнизон прибыли лорд и леди Арден.

Родители Руби примчались на почтовых лошадях, бледные от ужаса. Ведь они отправляли дочь на тихий, далекий Север ради ее же безопасности, а в итоге она умудрилась возглавить лесную нечисть и выйти наперерез боевому огру!

Едва переступив порог замка, отец Руби грозно подхватил Брандона под руку, увлек его в кабинет.

— Лорд Брандон, это переходит все границы! — лорд Арден вытащил из кармана чековую книжку. — Я предлагаю вам любые деньги! Я плачу золотом за расторжение этого брака! Верните мне дочь, пока она не приручила дракона и не сожгла этот континент!

— Нет, лорд Арден, — спокойно ответил Брандон, отодвигая чековую книжку в сторону. На его губах играла счастливая улыбка. — Я отказываюсь от расторжения. Ваша дочь — лучшее, что случилось с Севером, и я ни за какие богатства мира ее не отпущу.

В это же время в гостиной леди Арден буквально не отходила от Руби ни на шаг. Она каждые десять минут проверяла ее пульс, осматривала розовые локоны и засыпала вопросами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.